

Родился Николай Иванович Тряпкин в среднерусской деревне на Никола зимнего 1918 года в семье столяра. Пуп ему завязали грубой льняной ниткой на крестьянский узел. Но землепашцем Николай не стал. Крылатый конь Пегас рано подставил мальцу своё стремя.

В 1939 году Николай поступил в Московский историко-архивный институт, но учёбу прервала война. На фронт попасть не удалось из-за сильного заикания. «С такой речью сиди за печью!» – грубовато рыкнул ему военком.

Вал эвакуации забросил парня на Север, в предместье Сольвычегодска. Здешний колхоз предложил ему должность счетовода, а сельчане открыли свет златокованных наречий.

Вот там, на словесных котласских рудниках, и началась его «сладкая каторга», там стали завиваться строчки, прокалённые вычегодскими морозами. Из графлёной амбарной книги перелетели они в местную газету, которая нынче называется «Двинская правда».

ЛЕТЕЛА ГАГАРА

90 лет поэту

Николаю Тряпкину

1

Летела гагара,
Летела гагара,
Летела гагара
На вешней заре.
Летела гагара
С морского утёса
Над тундрой сырой.
А там на болотах,
А там на болотах
Брусника цвела.
А там на болотах
Клубились туманы,
Олени паслись.

Как только немцев отбросили от Москвы, Тряпкин покинул Север. В столице он показал свои стихи Павлу Антокольскому. Тот упился «стихом немудрёным, неучёным» и дал рекомендацию в журнал «Октябрь», где редактором был Фёдор Панфёров. Панфёрову тоже глянулись «петушьи песни», и Тряпкин начал печататься в «Октябре».

На Севере Николай накопил большой поэтический заряд. Он задумал книгу. Вышла она в издательстве «Молодая гвардия» и называлась символично – «Первая борозда». Это были не просто стихи, а, говоря языком Бенедиктова, «тетради гармонических затей», исполненные в нежных, тонких оттенках, оригинальности мысли и красоте мелодики.

В 1955 году Тряпкин снова приехал в северное святоводье, чтоб ещё разок припасть к родниковой речи, к полногласным напевам. Здесь он много писал, готовил в Архангельском издательстве второй сборник «Белая ночь». Долго тогда цвело в сумерках его окно, из-под пера выходили вербные песни, которые, как он писал в «Автобиографии», «самого меня завораживали». А открыло книгу знаменитое сказание «Летела гагара».

2

Летела гагара,
Кричала гагара,
Махала крылом.
Летела гагара
Над мохом зелёным,
Над синей водой.
Дымились болота,
Дымились болота
На тёплой заре.
Дымились болота,
Туманились травы,
Брусника цвела.

Оригинальный голос Тряпкина не имел аналогов, северную речь он знал во всех изгибах и любил её обрабатывать. Но идеологизированная критика той поры не приняла его поэтики, обвинив автора в «камерности», в уходе от современности. В результате чародей-поэт мыкал всю жизнь горюном, сильно нуждался и кормился со своего огорода. От нищеты сбежала жена, ничем не могла помочь и мать с «пенсией» в 10 рублей. На исходе жизни Тряпкина пригрела учительница немецкого языка москвичка Р. В. Павленко. Чтоб поддержать его после инсульта, она, будучи пенсионеркой, стала работать дворником и подарила ему ещё два года жизни. Но второй инсульт стал роковым, и 20 февраля 1999 года Тряпкина не стало.

Прошло несколько лет. Они будто пробуравили в камне забвения какую-то увеличительную линзу, и люди наконец рассмотрели новаторство тряпкинских стихов, оценили словобукеты русского Леля. В подмосковном селе Лотошино, названном так из-за обилия торговых лотков, куда в 1930 году переехали после раскулачивания родители Тряпкина, одной из улиц дали имя искусника душевных строк. А на Доме культуры, где в 1963 году прошло первое авторское выступление нашего соловья, открыли мемориальную доску.

3

Кричала гагара,
Кричала гагара
Над крышей моей.
Кричала гагара,
Что солнце проснулось,
Что море поёт.
Что солнце проснулось,
Что месяц гуляет,
Как юный олень.
Что месяц гуляет,
Что солнце сияет,
Что милая ждёт.

Рискну отнести Тряпкина к светилам русской поэзии, ибо он тоже светил своим светом. Как Лермонтов услышал говор небесных тел («звезда с звездой говорит»), так Тряпкин понял голос птиц («кричала гагара, что солнце проснулось, что море поёт, что милая ждёт»). Поэт знал наговорную силу повтора. Вот и здесь каждый куплет начинается с перепева. Почему?

Гагара – интересная птица. Она летит и кричит. Если тут ей крикнуть: «Кругом!», она опустится ниже, сделает два круга над крикнувшим и только потом полетит дальше. Вот и Тряпкин не просто поэтично скопировал повадку птицы, он таким способом углубил мысль, врезал её в нашу память.

Многие композиторы поглядывали на эти строфы, но подступов к ним не находили. Белая рифма, цветные строки и перебежчивость повторов стали непреодолимыми порогами, требовали иных мелодических путей. Только Фёдор Маслов вслушался в таинство стиха и сумел приручить вольный напев, так как писал в расчёте на исполнителя с сильным голосом и тембром. Вот почему сегодня «Гагару» услышать непросто – нет у нынешних певцов таких данных. Зато в который раз можно прочитать.

Иван ФИЛИМОНОВ